

УДК 811.161.1'276.2'42:821.161.1-2 Н. Коляда

МАРОНЬ Анна,аспирант Жешувского университета; Жешув, Польша;
e-mail: annamaron@rambler.ru; тел.: +48 602 296 316**ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ДРАМАТУРГИИ НИКОЛАЯ КОЛЯДЫ**

Аннотация. В статье говорится о языковых средствах, употребляемых Николаем Колядой, при помощи которых, драматург создаёт авторскую картину мира в своих пьесах. Для Коляды характерно сочетание нормативной и ненормативной лексики. Реплики персонажей неоднократно переполнены бранной лексикой, что является способом привлечения внимания собеседника, а также способом преодоления невозможности коммуникации.

Большую роль в драматургии Н. Коляды играют формы остраннения чужого слова, а также поговорки, пословицы, слоганы советского времени, языковые клише, с которыми автор играет, изменяя и преобразуя их. Характерной чертой языковой манеры Николая Коляды является введение в тексты пьес неологизмов, которые, с одной стороны, отражают богатство, необыкновенность духовного мира автора, а с другой, служат средством передачи авторской иронии. На основе реального, живого языка Коляда создаёт свой мир — мир, который передаёт авторское сознание.

Ключевые слова: ненормативная лексика, интертекстуальность, неологизмы, игра с языком, язык драматического произведения, Николай Коляда.

Драматургия — исключительный род литературы, в котором, как ни в одном другом, речь персонажей играет ключевую роль. Именно она является материальным выражением героев, раскрывает их внутренний мир, их характеры. Поскольку драматургический текст, по мнению М. А. Голованевой, представляет собой оречевлённый мир авторского сознания [2, с. 5], именно в высказываниях героев проявляется авторский способ создания художественного образа мира в пьесе. Поскольку художественная природа драматургического текста заключена в языке, в речи персонажей непосредственно раскрывается картина мира автора, а зачастую развивается драматическое действие, характеры героев, сюжет пьесы.

Особым примером речевой организации драматургического текста являются пьесы Николая Коляды. Они представляют собой интересный материал для исследования, а их речевая организация до сих пор вызывает крайне противоречивые отзывы, реакции как среди исследователей и критиков театра, так и среди читателей / зрителей.

На мастерское владение Колядой языком обратил внимание один из первых исследователей его творчества Н. Л. Лейдерман, подчёркивая, что «у Коляды драматургично само слово, (...) весь словесный массив в его пьесах насковозь диалогичен. (...) В пьесах Коляды первостепенная роль принадлежит сцеплению двух речевых стилей — того, что тяготеет к литературной норме, и ненормативного, бранного. Диалог этих речевых стихий является *стилевой доминантой* драматургического дискурса Коляды. (...) На самом крайнем полюсе в дискурсе Коляды — голое бранное слово. (...) На противоположном полюсе — обескровленное, дистиллированное слово из нормативной речи» [13, с. 37–39].

Такой принцип речевого контраста особенно часто наблюдается во многих пьесах 1990-х годов. Драматургию этих двух речевых стилей обнаруживаем в *Полонезе Огинского* (1993); на этом контрасте строится действие, представляются портреты, раскрываются характеры персонажей. Изысканная, поэтичная речь Тани, вернувшейся в Россию, в Москву, желающей найти убежище в оставленной умершими родителями квартире, передаёт её духовную чистоту, красоту. Метафоричность и экспрессивность, повышенная эмоциональность её высказываний раскрывают артистическую натуру Тани. На противоположном полюсе грубый, простой, полный брани, цинизма язык теперешних обитателей квартиры — бывшей прислуги — Людмилы и Сергея.

На особенности языка Тани обратила внимание Е. Сальникова, утверждая, что «Таня из *Полонеза Огинского* оказывается как бы вне нации, вне социума, вне государства. Коляда создаёт для неё особый язык — он уже не литературный и не разговорный, не русский и не американский, с не нашими и не западными интонациями, красивый и нескладный, — такова речь человека, у которого ничего не осталось, кроме самого себя. Героиня живёт в агонии и протрации, замкнутости и легкомысленности, свойственных тем, кто давно не чувствует земли под ногами, опоры» [16, с. 209].

Драматургическая выразительность литературного и бранного слова создаёт драматургическое действие в следующем шедевре Николая Коляды — в пьесе *Мурлин Мурло* (1989). Изысканный язык московского студента Алексея, снимающего квартиру у сестёр Зайцевых, противопоставлен примитивной, площадной речи Инны и Ольги. Алексей ни внешне, ни в речевом плане не похож на обитателей Шипиловска, что резко подчёркнуто драматургом.

ИННА. Ладно, ты, Мурлин Мурло! Гундосишь! Заткнись!

АЛЕКСЕЙ. Нет, нет, я совсем другое! Тайна сия велика есть! У меня есть цель жизни, должен я вам сообщить, да, да! А пишу огромный роман! Огромный по замыслу, философии, обобщенно! Ог-ром-ный! Чудовищно огромный! Он всё и всех потрясёт! Он переделает людей! Он всех нас перестроит! Потрясёт! Заставит думать! Вы все изменитесь, когда прочтёте его! Я работаю над ним вот уже много лет, лишая себя личной жизни, чтобы сделать свой роман настоящим, великим, понимаете? Я сейчас! Я вам прочту последнюю главу! Секундочку! Одну только секундочку! [7]

лексики Коляда передаёт отсутствие возможности коммуникации между людьми, сосуществующими в пределах «дурдома».

СЛАВА *Зачем? На каждое слово у тебя — десять штук готово. Ты не хочешь выслушать меня. Понять не можешь* [11, с. 127].

М. И. Громова отмечает: «Особенно преуспели его герои в ругани, словесных перепалках, опрокидывая на «собеседника» целый поток изощрённой брани, не давая опомниться и вставить хоть слово в оправдание, что-то возразить» [4, с. 195]. И хотя причины употребления драматургом ненормативной лексики вполне оправданы, тем не менее, их наличие шокирует, тем более, что герои Коляды, а, скорее, сам драматург очень изобретательны в ругательствах. В пьесе *Канотье* героиня Катя называет своего соседа Виктора «бестолочь полоротая», «мудило первостатейное», свою соседку — старуху — «клизьма с горчицей». Подобные прозвища, по мнению Е. Лазаревой, «с одной стороны, призваны подчеркнуть несуществующую дистанцию между людьми, с другой — обозначить проходящий через всё творчество Коляды мотив «одичания»: «Господа, вы звери...» — постоянно твердит Катя» [12, с. 158]. В её реплике расползается чеховская аллюзия и тем самым воссоздаётся атмосфера чеховской беспомощности героини перед хамством.

Ненормативная лексика в пьесах Коляды — это реакция на бессмысленное существование в пределах «дурдома», способ разрушения стереотипов, протест против бессмысленности жизни.

Изобретательность Коляды в области языка проявляется также в наличии создаваемых драматургом неологизмов. Так, в пьесе *Канотье* находим целый ряд таких примеров: «внутри», «внорки», «ханорики», «Чезано Педерутти», «Леонардо Недовинченный», «подружки-по-тоскушки» — от слова «тосковать», «разбудильник» и др. Словообразование уральского драматурга широко проявляется и в других его пьесах: «наединенцию», «кабанера», «колбасень» (*Мурлин Мурло*); «разьюморился», «лебледь», «тёлкоохранилище», «марихуяна, гашиши» (*Полонез Огинского*); «кобеляж», «солдапень», «кошматерно» (*Уйди-уйди*) и др. Все создаваемые Колядой слова отражают богатство, необыкновенность духовного мира его героев, а также безграничный талант драматурга в словотворчестве.

Н. Лейдерман обратил внимание на ещё одну форму словесной игры — оговорку, которая у Коляды способствует развитию драматического действия. Так, в пьесе *Рогатка* (1989) сигналом очищения души героя становится очищение его речи. При первой встрече с Антоном Илья говорит: «На кухне кран *текёт*». Антон его поправляет, и позже, после поворотной в развитии сюжета сцены, в которой герои ругаются и спорят о «красоте» самоубийства, Илья в разговоре с Людмилой поправляет её: «Не «*текёт*», а «*течёт*»» [13, с. 38]. В начале второго действия встречаем похожую сцену, в которой герои смотрят фотографии Ильи со школьных лет. Илья говорит: «*Я посередке тут*». Антон снова его поправляет, но в этот раз уже с намерением указать собеседнику своё превосходство. После происшедшего сближения между ними молодой мужчина хочет продемонстрировать, что он лучше, что он не такой, как Илья, что он не гомосексуальный.

АНТОН: *Посередке, посередке! Надо говорить — посередине! Понял, нет?* [9].

Анализ языкового уровня этой пьесы показывает, что в процессе развития действия речь Ильи очищается не только от оговорок, но прежде всего от ненормативной лексики. Все эти изменения в речи героя — первый сигнал внутренней перемены, ухода от злобных чувств и возможность искренности с собой, а также с читателем / зрителем. Таким образом, пьеса *Рогатка* показывает, что игра драматурга с языком сопровождает развитие действия. Эта игра является неотъемлемым элементом драматургии Николая Коляды.

Особенно интересным примером является одна из последних известных нам пьес — *Носатый* (2013), герой которой, Пётр Ильич, вышедши из тюрьмы после двадцатилетнего наказания, не способен найти себя в новой действительности. Жизнь Ады Николаевны, ждавшей своего мужа, полностью переменялась, её «настоящая» жизнь заменилась пространством Интернета. Общение в виртуале стало средством спасения героини от одиночества. Такое общение создаёт иллюзию того, что кто-то её слушает, что она с кем-то ведёт диалог, что она кому-то необходима.

АДА НИКОЛАЕВНА (встала, идёт в комнату). *Мне вот всё было дано. Но что-то — нет. А что — не могу понять. Но чувствую, что что-то он, Бог, мне не додал. Что-то такое важное. Надо написать про это сегодня в «Фейсбуке», «В контакте» и в «ЖэЖэ». И попросить комментариев у френдов. Хорошая мысль. Соседи залили, попросила советов у «френдов» — тысяча комментариев была, как отомстить: поджечь им дверь, насыпать битого стекла у порога, написать фломастером в подьезде всякие слова. До сих пор думаю, чей совет взять. Великая вещь интернет, «жэжэ» и френды* [8].

АДА НИКОЛАЕВНА. *Петя, френды — это мои друзья в интернете. В виртуале, так сказать, понял? Потому что в жизни — их нету. А в виртуале проще: они, вроде, есть, и их, вроде как — нет. И никаких обязательств. Зато не скучно и не одиноко. А главное — все советуют, как жить. Будто уже жили один раз и всё знают* [8].

Желание прекратить невыносимое чувство одиночества нашло выразительный отпечаток в высказываниях Ады Николаевны. Именно язык «френдов» заменил её собственный. Героиня говорит обезличенным языком, который создаёт условную виртуальную реальность, иллюзию некой общности с миром. Но это квазиреальность и квазиязык — искусственный конструкт, в основе которого — манипуляция кодами общения.

Образу героини Коляда противопоставил фигуру человека, которому сложно или даже невозможно сориентироваться в чужом, непонятном мире, человека советского времени, с его стереотипами поведения, мышления. Речь этого героя создаёт эффект остранения в виртуальном мире компьютерных «френдов».

ПЁТР ИЛЬИЧ. *Никакой я тебе не петушок. Смотрит. Захлопнись. Всю ночь сидит у компьютера. Чего-то стучит там. Чего стучишь? Заявы на меня пишешь?* [8].

Характерной чертой языковой манеры Николая Коляды является введение в текст поговорок, пословиц, идиом, с которыми он играет, изменяя и преобразуя их. В тексты пьес драматург вводит слоганы советского времени, языковые клише. Речевой материал, который становится предметом изображения в пьесе драматург находит в среде постсоветского поколения, фиксируя услышанное на улице. Подобно Горькому, Николай Коляда ведёт свою книжку, в которой собирает «перлы народного остроумия» [1].

Свою записную книжку Коляда постепенно заполняет всё новыми фразами, которыми время от времени делится с читателями своего живого журнала. По словам драматурга, почти всё из его ЖЖ перешло в пьесы, но, как подчёркивает автор, «не так, как подслушано, а как-то иначе. Фраза моделируется, в неё вставляется подслушанное (...) Да, красивых слов, словечек, каких-то неожиданных фраз в речи так много — их надо только услышать и совсем не обязательно, чтобы это было что-то заковыристое. А просто красиво» [15]. И, действительно, пьесы переполнены такими умело вставленными автором фразами, отражающими духовный мир его героев, картину мира, создаваемую Колядой. Напр.:

АДА НИКОЛАЕВНА. *Хорошо быть молодым, в башке ветер, в попе дым.* [8].

В драматургии Николая Коляды важно и чужое слово, игра с ним. Чужой язык или интертекст — это неотъемлемый элемент пьес уральского драматурга, игра, маска, скрывающая подтекст. Коляда использует аллюзии, перевёртывает слова, вводит прямые цитаты из произведений Чехова, Горького, Некрасова, цитаты из песен. Этот дискурс становится полноправным героем его пьес — это манифестация свободы языка писателя, его независимости. Чужой текст в драматургии Н. Коляды — свидетельство многоплановости драматургического мышления, это средство, способствующее соединению смешного и серьёзного, высокого и низкого. Цитированные тексты выявляют внутренние переживания героев, богатство их духовного мира.

Интересный пример обнаруживаем в пьесе *Баба Шанель* (2010), где диалог героинь — солисток любительского ансамбля «Наите» — построен драматургом по принципу обмена строками из народных, а точнее, псевдонародных песен. Разговор пенсионерок напоминает пародийный коллаж, в котором слово утрачивает природные смыслы, неожиданно передаёт беспомощность героинь, их страх перед меняющимся миром, уже не понятным им.

ИРАИДА (снова вдруг громко поёт). *Ты встаёшь-ошь, как из тумана! Раздвигая грудью ро-ожь! Ты ему навстречу, Анна, белым лебедем плывёшь-о-ошь!*

КАПИТОЛИНА (поёт, стучит по столу кулаком). *Пчёлочка золотая! Да что же ты жужжишь!* [6].

Здесь Коляда подменяет собственную речь персонажей безликими цитатами, указывая на отсутствие настоящей коммуникации. Высказывания героинь служат им только для того, чтобы продемонстрировать своё существование.

Николай Коляда мастерски использует все возможности, которые предоставляет ему русский язык. Драматург называет его неисчерпаемым источником, который увлекает его: «Великий могучий русский язык для меня — это такое огромное, фантастическое существо, похожее на огромную-преогромную змею, которое, сверкая фосфором, переливается, перекачивается по городам и деревням России, постоянно видоизменяется, то превращаясь в маленькую зелёную ящерку, то снова становясь огромным чёрным змеем, то вдруг белым, то красным, горящим (...).

Наш язык — что-то великое и прекрасное, и для меня — абсолютно живое. Он настолько огромен, чуден, он такой сильный — наш русский язык. Ему смешны наши разговоры об охране языка. Он кого хочешь раздавит сам. Мы даже и не понимаем сами, каким великим богатством, какой силой владеем» [15].

Пьесы Николая Коляды синтезируют в себе целую палитру возможностей, которые представляет драматургу язык. В них проявляется карнавальность, сочетаются ненормативная и литературная речь, а также свойственные самому Коляде эмоциональность, сентиментальность, экспрессивность.

Герои Николая Коляды говорят на созданном автором языке, специально домысливаемым драматургом. Так, Коляда писал: «Мои герои в моих пьесах никогда не говорили и не говорят, как в жизни. У меня всегда выдуманный театральный язык. Я долго и нудно пишу каждую фразу, переставляю слова, «натягиваю» фразу, чтобы она звучала музыкально. Я говорю о лучших своих пьесах, не обо всех. Я так пытался писать, во всяком случае» [15].

Исключительность языковой палитры отмечают даже те критики и литературоведы, которые раньше как раз за неё упрекали уральского драматурга. Среди таких критиков — О. Игнатюк, скоро осознавший неповторимый характер языка Коляды. Так, О. Игнатюк отмечает, что в драматургии Николая Коляды «такие речевые повороты, подходы и решения, такие аллитерации и дух заводящие выражения, такая подвижность и точность словосложения и такой артистизм красок, которые требуют, знаете ли, отдельного постановочного мастерства (ещё никак не развитого и не усвоенного драматической сценой)» [5, с. 212].

И, действительно, Коляда — виртуоз использования языковых средств в драматургии. На основе реального, живого языка он создаёт фантастический речевой мир — его мир, в котором отражается и он сам.

Литература

1. Болотян И. Право писать грубо [Электронный ресурс] / И. Болотян // Независимая газета. — 2007. — 14 июня. — Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2007-06-14/8.
2. Голованева М. А. Слово в коммуникативно-когнитивном пространстве русской драмы конца XX века : монография / М. А. Голованева ; Астрахан. гос. ун-т. — Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2011. — 208 с.
3. Горгома О. Веет легкий матерок / О. Горгома // Сегодня. — 1996. — 16 июля ; Игнатюк О. Пространство русского сквернословия / О. Игнатюк // Культура. — 1996. — 27 июля ; Соколянский А. Лексикон хамского остроумия / А. Соколянский // Общая газета. — 1996. — 18–24 июля.
4. Громова М. И. Русская драматургия конца XX — начала XXI века : учеб. пособие / М. И. Громова. — М. : Наука, 2006. — 364 с.
5. Игнатюк О. Грешник / О. Игнатюк // Драматург. — 1995. — № 3. — С. 212.
6. Коляда Н. Баба Шанель [Электронный ресурс] / Н. Коляда. — Режим доступа: <http://kolyada.ur.ru/babachanel/>
7. Коляда Н. Мурлин Мурло [Электронный ресурс] / Н. Коляда. — Режим доступа: http://kolyada.ur.ru/murlin_murlo/
8. Коляда Н. Носатый [Электронный ресурс] / Н. Коляда. — Режим доступа: <http://kolyada.ur.ru/nosatyi/>
9. Коляда Н. Рогатка [Электронный ресурс] / Н. Коляда. — Режим доступа: <http://kolyada.ur.ru/rogatka/>
10. Коляда Н. Половики и валенки / Н. Коляда // Персидская сирень и другие пьесы. — Екатеринбург : Банк культур. информ., 1997. — С. 254–298.
11. Коляда Н. Черепаха Маня / Н. Коляда // Персидская сирень и другие пьесы. — Екатеринбург : Банк культур. информ., 1997. — С. 138–179.
12. Лазарева Е. Ю. Особенности художественного мира Н. Коляды в контексте исканий драматургии 1980–1990-х гг. / Е. Ю. Лазарева. — М., 2010. — 185 с.
13. Лейдерман Н. Л. Драматургия Николая Коляды, критический очерк / Н. Л. Лейдерман. — Каменск Уральский, 1997. — 160 с.
14. Руднев П. В неравной битве с критикой [Электронный ресурс] / П. Руднев // Независимая газета. — 2000. — № 28 (16 февр.). — Режим доступа: http://www.ng.ru/culture/2000-02-16/7_struggle.html
15. Руднев П. Интервью Николая Коляды о современном драматургическом языке [Электронный ресурс] / П. Руднев. — Режим доступа: <http://kolyada.ur.ru/interview/2006/05/intervyu-nikolaya-kolyadyi-o-sovremennom-dramaturgicheskom-yazyike/>
16. Сальникова Е. В. В отсутствии несвободы и свободы / Е. В. Сальникова // Современная драматургия. — 1995. — № 1–2. — С. 202–215.

References

1. Bolotjan I. Pravo pisat' grubo [Elektronnyj resurs] / I. Bolotjan // Nezavisimaja gazeta. — 2007. — 14 ijunja. — Rezhim dostupa: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2007-06-14/8.
2. Golovaneva M. A. Slovo v kommunikativno-kognitivnom prostranstve russkoj dramy konca XX veka : monografija / M. A. Golovaneva ; Astrahan. gos. un-t. — Astrahan' : Izd. dom «Astrahanskij universitet», 2011. — 208 s.
3. Gorgoma O. Veet legkij materok / O. Gorgoma // Segodnja. — 1996. — 16 ijulja ; Ignatjuk O. Prostranstvo russkogo skvernoslovija / O. Ignatjuk // Kul'tura. — 1996. — 27 ijulja ; Sokoljanskij A. Leksikon hamskogo ostroumija / A. Sokoljanskij // Obshhaja gazeta. — 1996. — 18–24 ijulja.
4. Gromova M. I. Russkaja dramaturgija konca XX — nachala XXI veka : ucheb. posobie / M. I. Gromova. — M. : Nauka, 2006. — 364 s.
5. Ignatjuk O. Greshnik / O. Ignatjuk // Dramaturg. — 1995. — № 3. — S. 212.
6. Koljada N. Baba Shanel' [Elektronnyj resurs] / N. Koljada. — Rezhim dostupa: <http://kolyada.ur.ru/babachanel/>
7. Koljada N. Murlin Murlo [Elektronnyj resurs] / N. Koljada. — Rezhim dostupa: http://kolyada.ur.ru/murlin_murlo/
8. Koljada N. Nosatij [Elektronnyj resurs] / N. Koljada. — Rezhim dostupa: <http://kolyada.ur.ru/nosatyi/>
9. Koljada N. Rogatka [Elektronnyj resurs] / N. Koljada. — Rezhim dostupa: <http://kolyada.ur.ru/rogatka/>
10. Koljada N. Poloviki i valenki / N. Koljada // Persidskaja siren' i drugie p'esy. — Ekaterinburg : Bank kul'tur. inform., 1997. — S. 254–298.
11. Koljada N. Cherepaha Manja / N. Koljada // Persidskaja siren' i drugie p'esy. — Ekaterinburg : Bank kul'tur. inform., 1997. — S. 138–179.
12. Lazareva E. J. Osobennosti hudozhestvennogo mira N. Koljady v kontekste iskanij dramaturgii 1980–1990-h gg / E. J. Lazareva. — M., 2010. — 185 s.
13. Lejderman N. L. Dramaturgija Nikolaja Koljady, kriticheskij ocherk / N. L. Lejderman. — Kamensk Ural'skij, 1997. — 160 s.
14. Rudnev P. V neravnoj bitve s kritikoj [Elektronnyj resurs] / P. Rudnev // Nezavisimaja gazeta. — 2000. — № 28 (16 fevr.). — Rezhim dostupa: http://www.ng.ru/culture/2000-02-16/7_struggle.html
15. Rudnev P. Interv'ju Nikolaja Koljady o sovremennom dramaturgicheskom jazyke [Elektronnyj resurs] / P. Rudnev. — Rezhim dostupa: <http://kolyada.ur.ru/interview/2006/05/intervyu-nikolaya-kolyadyi-o-sovremennom-dramaturgicheskom-yazyike/>
16. Sal'nikova E. V. V otsutstvii nesvobody i svobody / E. V. Sal'nikova // Sovremennaja dramaturgija. — 1995. — № 1–2. — S. 202–215.

МАРОНЬ Анна,

аспірант Жешувського університету; Жешув, Польща;
e-mail: annamaron@ Rambler.ru; тел.: +48 602 296 316

МОВНА КАРТИНА СВІТУ В ДРАМАТУРГІЇ МИКОЛИ КОЛЯДИ

Анотація. У статті йдеться про мовні засоби, уживані Миколою Колядою, за допомогою яких драматург створює авторську картину світу у своїх п'єсах. Для Коляди характерним є поєднання нормативної та ненормативної лексики. Репліки персонажів неодноразово переповнюються лайливою лексикою, що є способом залучення уваги співрозмовника, а також способом подолання неможливості комунікації.

Значну роль у драматургії М. Коляди відіграють форми здикування чужого слова, а також приказки, прислів'я, сло-гани радянського часу, мовні кліше, які автор обирає, змінюючи та трансформуючи їх. Характерною рисою мовної манери Миколи Коляди є введення в тексти п'єс неологізмів, які, з одного боку, відображають багатство, незвичайність духовного світу автора, а з іншого, служать засобом авторського іронізування. На основі реального, живого мовлення Коляда створює свій світ, який передає авторську свідомість.

Ключові слова: ненормативна лексика, інтертекстуальність, неологізми, гра з мовою, мова драматичного твору, Микола Коляда.

Anna MAROŃ,
PhD student at Rzeszyw University; Rzeszyw, Poland;
e-mail: annamaron@rambler.ru; phone: +48 602 296 316

LINGUISTIC VIEW OF THE WORLD IN DRAMA BY NIKOLAI KOLADA

Summary. The article refers to the means of language used by Nikolai Kolada which allow the playwright to create the linguistic view of the world in his plays. The characteristic feature of the dramatist' writing manner is the combination of normative and non normative vocabulary. The characters' cues are filled with the vulgar lexis, which is not only a way of attracting attention of the interlocutor, but also the way to overcome the impossibility of communication.

A major role in the dramaturgy of N. Kolada plays various forms of intertextuality, as well as proverbs, idioms, slogans of Soviet times, linguistic clichés with which the author is playing by changing and altering them. Another characteristic feature of the language manner of Nikolai Kolada is an introduction in the texts of his plays neologisms, created by the dramatist himself, which on the one hand, reflect the wealth, unusualness of the spiritual world of the author, and on the other, they reflect the author's irony. On the basis of real, living language, Kolada creates his own world — a world that conveys the author's picture of the world.

Key words: non normative vocabulary, intertextuality, neologisms, play with the language, tongue of dramatic work, Nikolai Kolada.

Стаття отримано 22.04.2014 р.